

**ЗАЧЕМ РОССИЯ
ВСТУПИЛА
В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ**

Г. Саралидзе: Сегодня мы поговорим о начале Первой мировой войны, сыгравшей в истории нашей страны (да и не только нашей) огромную драматическую (кто-то считает — роковую) роль. Мы обсудим не только и не столько череду событий, которые привели к началу этой войны, но то, было ли неизбежным вступление России в эту войну, особенно на первом ее этапе. Была ли готова наша страна к войне, кто и как подталкивал Россию к участию в Первой мировой, кто и почему пытался ее удержать от этого шага. Поговорим о тех теориях и мифах, которые сформировались вокруг этой темы. Первый вопрос, с которого я хотел бы начать, — неизбежность вступления в войну. Об этом очень много спорят. Те, кто говорит о том, что вступления в войну можно было избежать, в качестве главного подтверждения своих слов приводят записку, или меморандум, Петра Дурново.

Напомню, что Петр Дурново — член Государственного совета, в 1905–1906 годах был министром внутренних дел. И вот этот меморандум был подан Николаю II. Считается, что это произошло в феврале 1914 года, незадолго до начала Первой мировой войны. Эта аналитическая записка была найдена и стала известна уже после революции: опубликовали ее в 1922 году. Многие исследователи вообще считают записку апокрифом, то есть документом, который был создан уже после революции, и сомневаются в ее

подлинности. Давайте начнем с неизбежности, с записки и с того, что там говорилось. Армен?

А. Гаспарян: У меня крайне непопулярная на сегодня точка зрения, потому что я считаю, что эта война была абсолютно неизбежна. Она была неизбежна с момента создания Германской империи, потому что именно тогда Бисмарк обозначил свои внешнеполитические приоритеты. Произошло это еще в царствование Александра III. Я также напому о том, что тогда одной из основных идеологических доктрин, объединяющих страну, была идея панславизма, ради которой мы, собственно говоря, старательно (ну если так можно выразиться) ругались и ссорились со своими европейскими партнерами по большой политике. Идея панславизма в начале XX столетия не исчезла, а скорее, напротив, получила еще большее развитие. Поэтому, когда сейчас начинаются разговоры о том, что не надо было вступать в войну, можно было просто постоять в стороне, я наминаю о том, что у нас еще были, например, союзнические обязательства перед Францией. И заключили мы с французами договор как раз для того, чтобы противодействовать Германии, это произошло еще в XIX столетии. Поэтому, к огромному сожалению, воевать все равно пришлось бы.

Г. Саралидзе: Дима?

Д. Куликов: Мне кажется, что большое противоречие содержится в том, что Армен вот так недифференцированно подает информацию как один блок. Конечно, с одной стороны, Германия позже всех оформилась как единая держава, позже всех вступила в этот имперский капитализм. Возможность ее существования как мировой державы была связана с тем, что нужно было урвать свою часть мира. И в этом смысле участвовать в Первой мировой войне Германия была обречена, если объективные стороны брать. Если брать субъективные стороны — действительно, панславизм был важной частью идеологии. Но насколько идеология является неизбежным фактором для принятия решений? Руководствовались ли император, например, идеологией, когда он принимал решение вступить в эту войну, — не знаю. У меня есть ощущение, что в этом смысле Николай II и его окружение не отдавали себе отчета, во что мы ввязываемся. И объективных, неизбежных причин воевать, вписываться во всю эту историю, я, честно говоря, не вижу. Если, конечно, помутнение разума не считать объективной причиной.

Кстати, у нас есть примеры. Вот освободили болгар — и чем же они нас отблагодарили? Но вот наша интеллигенция тогдашняя, этот слой в истории вышел, когда войну объявили, в верноподданническом угаре и в каком-то очень странном патриотизме: «Стамбул наш! Константинополь

наш!» Считать ли это фактором неизбежности? Думаю, что нет.

Г. Саралидзе: Те, кто считают, что не было никакой необходимости вступать в войну, говорят, что не было глубинных противоречий с Германией, которых нельзя было бы преодолеть. Кстати, эта мысль содержится в том самом меморандуме Дурново. К этому как относиться?

А. Гаспарян: Давайте вспомним, что знаменитый лозунг о необходимости для Германии жизненного пространства был придуман вовсе не Адольфом Гитлером, он был заимствован у Бисмарка.

Д. Куликов: Да, конечно.

А. Гаспарян: Это произошло, когда заговорили о том, что у немцев нет колоний, население зажато границами. Значит, что нужно? Надо расширять зону своего влияния.

Д. Куликов: А на самом деле речь шла о капиталистическом освоении мира и получении рынков. В широком понимании слова «рынок».

Г. Саралидзе: Конечно, да, но при этом приводятся данные, по которым как рынок Россия

была более открыта немецким товарам, чем английским. Англичане проигрывали.

Д. Куликов: Поясню, принципиальный момент. Рынок — не в смысле куда продавать... А место, где происходит первое накопление капитала — так называемого первичного капитала. Вопрос в том, кого грабить будем? Потому что накопление первичного капитала — это всегда сверхприбыль, это всегда бусы, стекляшки в обмен на золото, это всегда рабский труд, за который не надо платить. Вот она, причина образования сверхкапитала, этой большой капиталистической ренты, которая называется первичным накоплением. Германии и Австро-Венгрии нужно было кого-то ограбить, чтобы быть в состоянии реально конкурировать с той же Британией, например. Поэтому, когда заводят речь о необходимости расширения жизненного пространства — лукавят. Немцам что, жить негде было? Сейчас живут — и ничего. И тогда было где жить. Вопрос стоял в другом: кого грабить? Англосаксы, французы грабят, итальянцы и те грабят, а мы, немцы, не грабим. Надо срочно решить этот вопрос! Я утрирую, но лишь немножко.

Г. Саралидзе: Но здесь немцы в большее противоречие вступали с Англией и Францией, нежели с Россией, — вот в чем вопрос.